

Открыть туда доступный путь поэту,
Где в царственном чертоге красота
Могла б внимать его души привету,
Для коей — истина свята.

Могла б узнать, как чтит я дарованья,
И гения искусств в лучах венца,
Как выражал сердечных чувств признанья —
И к доблестям ея Отца.

Передаю простые звуки лиры
Тому, кто сам Поэзию любя,
Хоть близким был к носителям порфиры,
Жил для добра, не для себя!

Борис Федоров.

Денис Иванович
Фонвизин

Денис Иванович Фонвизин (Фон Визин; 1743—1792) был особенно близок к семье князей Куракиных. Первоначально это сближение могло произойти из-за того, что с 1768 по 1782 год он служил в Коллегии Иностранных дел и состоял при графе Никите Ивановиче Панине, который ценил способности своего помощника. Примерно с того же времени — то есть с конца 1760-х годов — с сатириком был знаком и наш князь, во второй половине 1770-х — середине 1780-х годов они общались особенно часто; во время своего лейденского обучения приятель князя Куракина князь Н. Б. Юсупов передавал через нашего князя приветы Фонвизину (напр., в письме от 27 мая 1774 года — *АКК, VII. С. 303*). Публикуемые письма открывают неизвестную часть их отношений — покупку князем у Дениса Ивановича произведений искусства. Несомненно, наиболее интересным моментом их отношений является вопрос авторства и перевода «Жизнеописания графа Н. И. Панина», которому посвящен раздел в конце настоящей книги.

Не подлежит сомнению, что Фонвизин был одним из любимых русских писателей князя Александра Борисовича. Находясь в Павловском (на Юлове), князь писал 23 марта 1794 года своему управляющему Михайле Иванову: «Удивляюсь я, что ты комедию Недоросля прислал ко мне скорописную: я знаю точно, что она есть печатная. Любя сочинения покойного автора оной, желаю я иметь и комедию Бригадир. Ежели не найдешь ее печатную, то хотя скорописную где-нибудь достань и сюда пришли» (XVIII. Т. 1. С. 460). Некоторые списки с произведений сатирика, как например «Рассуждение о суетности жизни человеческой», посылал к князю Куракину его давний московский друг Н. Н. Бантыш-Каменский. Также отметим, что Денис Иванович даже после смерти графа Никиты Ивановича пользовался непререкаемым авторитетом у княжеских родственников — особенно у графов Петра Ивановича и Никиты Петровича Паниных.

[1]. 13 марта 1772¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Его Сиятельство Граф Никита Иванович² изволил препоручить мне отправить к вам письмо от Его Высочества³. Радуюсь сердечно, что могу воспользуясь сим случаем, привести Вашему Сиятельству на память себя, как человека истинно вам усердного. Позвольте мне просить о продолжении ко мне вашей благосклонности и дружбы, в награду за то совершенное почтение и преданность, с которыми пребываю

Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Денис Фон Визин
P. S.
В С: Петербурге
13/23 Марта 1772.

P. S. Покорно прошу засвидетельствовать мое почтение милос<тивым> Госуд<арям> моим Гр<афу> Николаю Петровичу⁴ и Князь Гавриле Петровичу⁵.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 443. Л. 103–103об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

² Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) — непосредственный начальник Фонвизина по службе в Коллегии Иностранных дел.

³ Цесаревича Павла Петровича.

⁴ Граф Николай Петрович Шереметев (1751–1809) — действительный тайный советник, обер-камергер, шеф Пажеского корпуса, основатель Странноприимного дома в Москве. Тогда был камер-юнкером двора.

⁵ Князь Гавриил Петрович Гагарин (1745–1808) — сенатор, действительный тайный советник. Видный масон, о нем см. подробнее в прим. к письмам И. Ф. Богдановича на стр. 118.

[2]. Без даты [1780]¹.

Щот Вашего Сиятельства за взятые у меня вещи состоит в тысячи десяти рублах. Вы, Милостивый Государь мой весьма меня одолжите, есть ли оную сумму пришлете мне ко вторнику; ибо я в тот день стану переводить в Париж деньги².

При сем посылаю Oeuvre de Greuze цена 80 руб³. Не понравится ли Вашему Сиятельству? О збавке цены с миниатюры я уже писал.

Фон визин.

вторник по утру

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453 («Письма разных особ к князю А. Б. Куракину. Т. 13. 1780 год»). Л. 336. Автограф. На л. 341 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю моему Князь Александру Борисовичу Куракину».

² Судя по всему, деньги князь Куракин тогда Фонвизину не прислал, ограничившись выпиской векселя на год, поскольку тогда находился в довольно

стесненных обстоятельствах. По крайней, мере уехав 19 сентября 1781 года в свите графов Северных за границу, он оставил за собой в Петербурге долг, который к декабрю того же года составлял 123 793 рубля.

В ведомости этим долгам, в части именуемой «Долги по вексялям, щетам и закладам, требующия неотлагательной заплаты спервоначальными деньгами» имеется и следующая запись: «Фон Визину. 1300 р. (За покупку эстампов вексель коему срок уже прошел, и которой заплачен должен быть вскоре по обязательствам Дениса Ивановича с комиссионером его в Париже)» (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 302. Л. 253 об.).

³ Жан-Батист Грез (Greuze; 1725–1805) — французский живописец, с 1767 года член Парижской академии. Благодаря посредничеству Д. Дидро и князя Д. А. Голицына снискал расположение Екатерины II. Среди русских, купивших его живописные работы, была и сама императрица, а также князь Н. Б. Юсупов, граф А. П. Шувалов, позднее Павел I и другие.

Это упоминание работы Греза (судя по цене, здесь говорится о рисунке или о небольшом живописном эскизе) в связи с биографией Фонвизина не лишне, поскольку еще В. Ф. Левинсон-Лессинг в своей замечательной работе «Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство» писал: «Весьма многое остается неясным. Почему, например, Фонвизин не упоминает о Грезе, который явно должен был его заинтересовать и мастерская которого была легко доступна. Или же об этом случайно не говорится в дошедших до нас письмах?» (Указ. Соч. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л. 1973. С. 127).

[3]. 7 июля 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Получа вчера высочайшее позволение отлучиться на 29 дней, намерен я выехать завтра². Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить их Императорским Высочествам, что еду <туда>³ прямо к Его Сиятельству Графу Никите Ивановичу⁴, и что есть ли им угодно писать со мною, то буду ожидать их послания. Я имел честь получить письмо ваше для доставления Его Сиятельству, которое верно вручу в собственные руки.

С совершенным почтением и истинною преданностию на век есм

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Денис фон Визин

7. июл. 1781.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 273. Автограф. На л. 278 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Моему Князь Александр Борисович Куракину».

² Жизнь Фонвизина в период между вторым и третьим заграничными путешествиями практически неизвестна, да и вообще подробности его времяпрепровождения более нам открываются по его письмам из-за границы, сведения же о пребывании в России, особенно после выхода в отставку, скудны. Также ничего не было известно о поездках в 1781 году — одном из наименее изученных периодов биографии сатирика.

Речь же идет об отъезде в Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии — имение на реке Вазузе, некогда принадлежавшее патриарху Никону, пожалованное государыней графу Н. И. Панину, при котором состоял Фонвизин с 1768 до 1782 года. Сам же граф взял отпуск 13 мая 1781 года и выехал в Дугино, сопровождаемый князем Алексеем Борисовичем Куракиным. В Дугино они доехали 24 мая, после чего князь Алексей Борисович поехал в Москву (все это он подробно сообщал в своих письмах нашему князю). Граф Никита Иванович вернулся в Петербург в начале сентября, поскольку не в силах был сидеть в имении во время подготовки заграничного вояжа Цесаревича.

³ Первые три буквы слова прожжены сургучом.

⁴ Панину.

[4]. 4 апреля 1784¹.

4-го апр: 1784.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!
Хотя в проданных вашему Сиятельству Клостерманом² картинах я никакова участия не имею, но тем не менее старался я исполнить ваше повеление. Он представляет мне в резон, что тот-

час после подписания вами векселя, занял он, как мне и самому известно, у своей тещи 1500# по восьми процентов и перевел во Францию, в доказательство чего он Вашему Сиятельству покажет свои вторые вексели. Со всем тем я уговаривал ево сколько мог, и вот на что привлек я Его согласиться. — Условие ваше было заплатить половину в три, а другую в шесть месяцев. Теперь соглашается он не требовать с вас и первой половины прежде, как срок придет второй половины, то есть, считая от 23-го ноября прошлаго года через шесть месяцев с тем однакож, чтоб за три месяца акорд — чем вам сверх условия ваше Сиятельство за половину долга заплатить ему изволили тех самых процентов, кои он теще своей платит, и кои составляют не больше, как около тридцати рублей.

Желая, чтоб услуга моя угодна была Вашему Сиятельству пребываю с свершенным почтением и такою же преданностию

вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Денис Фон-Визин.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 461. Л. 111—111об. Автограф. На л. 116 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Александр Борисович Куракину» и там же остатки сургучной печати.

² Герман (Иоганн) Клостерман (1757—1838?), уроженец Голландии, приехал в Петербург в 1758 году. Познакомился с Фонвизиним в 1777 году в Париже, когда поэт там покупал произведения искусства для цесаревича Павла Петровича и графа Никиты Ивановича Панина. Подробно об их взаимоотношениях см.: Левинсон-Лессинг В. Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л. 1973. С. 97—132.

Фонвизиним и Клостерманом была заведена «коммерция вещами до художеств принадлежащая», и велась она совместно. Скорее всего, здесь Фонвизин, говоря о его отстраненности от этого дела, лукавит. Попросту он не желал открываться, этим же обстоятельством объясняется и то, что все счета

подписывал только Клостерман, а счета иногда были немаленькие. 10 сентября 1782 года Кабинет ее императорского величества купил у Клостермана 46 картин (из предложенных не менее 74) на сумму 10 635 рублей, а 25 января 1785 года выплачено «Иностранцу Клостерману за разныя бронзовые статуи и другие вещи» 3 685 рублей.

Клостерман постоянно продавал князю Куракину картины и эстампы. Причем задерживал ему князь деньги и раньше (финансовое положение князя тогда хотя и не было критическим, но все же и не было блестящим).

В 1781 году, уезжая с графами Северными, князь Куракин оставался должен не только самому Фонвизину, но и Клостерману. В части долговой ведомости «для первого случая нужной к удовлетворению не зговорчивых взаимодавцов» вписана строка «Клостерману 341 р». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 302. Л. 250 об.) Князь Куракин переписывался с Клостерманом даже в начале 1810-х годов.

Кроме того, Клостерман был известным столичным книгопродавцем; известны его книгопродавческие росписи, выходившие в качестве приложений к издаваемым книгами, а также отдельно. Интересно, что на титульном листе первого издания фонвизинского Недоросля (СПб, 1783) кроме выходных данных напечатано: «Продается у Клостермана, против адмиралтейства, в доме мещанскаго клоба, № 106».

[5]. 1 июля 1788 года¹

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович!

Не в силах будучи за болезнию ехать сам к Вашему Сиятельству приемлю смелость в сих строках принести к вам покорнейшую прозьбу в твердом уповании на вашу ко мне милость и на доброту сердца вашего, что вы не отречетесь ни когда сделать доброе дело; а теперь предстоит к оному вот какой случай:

Знакомой мне от армии подпорутчик Алексей Дьяконов² имеет двоих сыновей Петра девяти и Павла восьми лет, которых за бедностию воспитать не может. Не можно ли удостоить сих младенцов вашим покровительством и испросить у его Императорс-

каго высочества повеления о записке их в морской кадетской корпус в комплект: ибо платить он ничего не может.

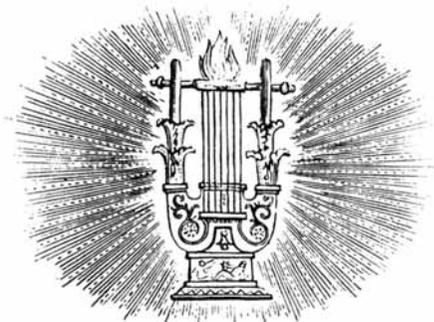
Его Императорское высочество учиня сие благодеяние обрадует несказанно меня в болезни страждущаго и к стопам Его повергающагося; а вашего сиятельства заступление будет новый опыт ваших милостей ко мне пребывающему с совершенным почтением и преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Денис Фон Визин
1-го июля
1788-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 217 — 217об. Писарское, с подписью-автографом.

² Сведений об Алексее Дьяконове установить не удалось.

Дети его — Петр Алексеевич и Павел Алексеевич Дьяконовы в Морской кадетский приняты не были.

Павел Иванович
Фонвизин

